

Дождь, притихший было на ночь, вновь зарядил с самого утра. И, казалось, не собирался останавливаться ни на минуту до самого нового всемирного Потопа. За серыми холодными штрихами капель скрылись городские улицы, переулки, меньшими по размеру представляли хорошо знакомые площади и широкие проспекты. Люди, невольники работы и каких-то очень уж срочных жизненно важных дел, старались побыстрее проскочить от автобуса до входа в метро, от выхода из магазина — до стоянки авто.

Поругивая вконец испортившуюся погоду, распугавшую и без того немногочисленных клиентов, выбирающих среди городских «бомбил» потрепанную годами жизни и безжалостной эксплуатации «шестерку», Федя старательно вглядывался сквозь лобовое стекло в пустынный тротуар, залитый беспощадным дождем. Двигаться приходилось медленно, с так нелюбимой всеми без исключения водителями «скоростью пешехода», чтобы успеть во время и тормознуть на неожиданно переключившимся светофоре, и заметить замаскированную дождем яму на столичном асфальте, а может, чем черт не шутит, и поймать мокнущего несчастливца, потерявшего последнюю надежду добраться до дома, не пропитавшись влагой насквозь и окончательно.

«Что за чудо такое?» — не поверил своим глазам парень. Впереди медленно ползла по самому краешку тротуара, не обращая внимания на заливающий её дождь, девушка с огромной клетчатой сумкой на худеньком плече. Второй рукой, держащей объемный, но, видно, легкий пакет, незнакомка время от времени старательно смахивала с лица водяную пыль. Неглубокий капюшон осенней ветровки не мог защитить её от всепроникающего дождя. Модненькие, свежие джинсики были мокры до колен, а на хлюпающие кроссовки случайная прохожая, похоже, уже давно не обращала внимания.

Чуть обогнав странную даже для московских улиц путешественницу, Федя немного «отмотал» окно и крикнул, стараясь показаться приветливым:

— Эй, красotka, может, подвести надо? Не стесняйся!

— Иди ты, — беззлобно махнула рукой девушка. — Мне и ехать некуда и все равно платить нечем...

— Да ладно, я же от души, по-хорошему, просто помочь, — не понимая самого себя, вдруг принялся уговаривать незнакомку водитель. — Садись «за так», надумаешь куда — отвезу, все равно не клюет сегодня, хоть тресни, может, ты удачу накличешь?

Потоптавшись в неглубокой луже у края тротуара, девушка, видно, что-то решила для себя и с отчаянно отрешенным видом шагающей в пропасть с трудом открыла заднюю дверцу. Закинув на сиденье свой мокрый багаж, она расположилась правее шофера, тут же скинув с белобрысой головы капюшон и расстегнув ветровку. Федя, приняв пассажирку, спросил только: «Печку включить? Замерзла, небось?» И неторопливо повел свой автораритет дальше, расплескивая накопившуюся на дороге воду.

Не сказав ни слова благодарности, девушка быстро обтерла о свою влажную клетчатую рубашку руки и выхватила из маленькой, незаметной среди прочих вещей сумочки довольно дорогой для начинающей бомжихи смартфон. Она быстро и привычно вызвала нужных абонентов, просилась переночевать, жаловалась на судьбу и обещала всё-всё рассказать при встрече, потом обиженно сопела на явные отказы, набирала какой-то заветный номер,

плевалась от его недоступности, шипела сквозь зубы ругательства и, казалось, вовсе не обращала внимания на Федю и его благородный, необычный по здешним, столичным меркам поступок.

Минут через сорок срочные неотложные дела пассажирки иссякли, и она устало, будто втащив на гору тачку с камнями, откинулась на спинку сидения, прикрыв глаза.

«А ничего так, симпатичная, и не старуха какая-нибудь молодящаяся, — поглядывая в зеркальце заднего вида, решил для себя водитель. — Кажись, все при ней, хотя сиськи могли быть побольше. Да и не корова какая, похоже. Но даже и без всякой косметики — миленькая. Интересно, она крашеная блондинка или нет?»

— Согрелась маленько? И куда теперь тебя вести? — спросил Федя, притормаживая перед поворотом к своему дому.

— Никуда, — махнула рукой девушка, явно борясь с подступающей истерикой. — Во всем городе — некуда! Хоть в подвал к бомжам лезь переночевать! И ведь, главное, я им всегда и все, а они, сучки — «Ах, мой против...», «Ох, ко мне мама приехала...», «Нет, тут свекровь звонила, говорит, сейчас будет...»

— Ну, раз такое дело, — немного засомневался водитель. — Тогда, может, ко мне?

— К тебе? — удивилась пассажирка, распахнув яркие, васильковые глаза в пол-лица. — Шутка юмора такая?

— Какие шутки? Уже приехали, видишь, вон — дальний подъезд. Там и живу. Хочешь, зайдем. Высушишься по-человечески, пожрать есть чего, — как-то неуверенно, смущенно и сбивчиво заманивал незнакомку Федя. — Мне сегодня все равно по такой погоде ловить нечего, только бензин впустую жечь. А так — посидим, поболтаем...

— И переночевать можно? — с затаенной надеждой спросила девушка, впрочем, совершенно не опасаясь ответа: «Если мама позволит».

По всему видать было, что парень не из «вечных детей», живет самостоятельно. Вот только — вдруг у него подружка ревнивая? Или хозяйка, что комнату сдает, злая?

— Конечно, ночуй! — порадовал пассажирку водитель.

— Ладно! Меня Люба зовут, Любовь Петровна если полностью, — наконец, решилась познакомиться пассажирка.

— А я Федор, просто Федя, если коротко.

Осторожно припарковавшись на «свое» место поодаль от подъезда, водитель принял от пассажирки громоздкие сумки и вместе с ней бегом припустил под крышу. Правда, вымокнуть все равно пришлось, наступив в глубокую лужу неподалеку от входа, но теперь это было не страшно.

В старом, порядком обшарпанном, но еще не пришедшем в ветхость подъезде и пропахшем мочой лифте они не разговаривали. Молча дошли до дверей квартиры.

— Ну, давай, раздевайся, кроссы твои на батарею определим сохнуть, — уже в доме начал хозяйничать Федя, почти с порога аккуратно кинув в темную комнату вещи своей гостьи. — Куртка и здесь, наверное, отвисится... А сами — пошли на кухню.

Парень разулся и, оставляя заметные следы на потертом линолеуме, прямо в мокрых носках прошел из малюсенькой, символической прихожки вправо.

— А где тут?..

— А вон!

Федя на полпути щелкнул выключателем туалета и приоткрыл дверь в «заведение». Люба

быстро юркнула туда, едва ли не на ходу спуская с бедер джинсы и трусики. И только примостившись на желто-ржавом от старости унитазе обратила внимание, что защелки на дверях нет. «Черт с ним! — подумала девушка. — От кого тут скрываться? Небось, все равно в одной койке спать будем, хорошо хоть он вежливый, с порога трахать не пристроился...»

Но о таких интимных вещах Федор пока не задумывался. Он всю хозяйничал среди грязноватой газовой плиты, старенького холодильника марки ЗИЛ, колченогого стола и тройки очень крепких, наверное, еще советских табуреток: поставил кипятиться сразу и воду под пельмени, и чайник, наполнил на две трети граненые стаканы дешевой водкой, быстро отрезал от изрядно заветренного куска колбасы пяток толстых кружков, достал нарезной батон, расставил пару тарелок и вилок. И долго ему ждать не пришлось.

Люба, заглянув после уборной в ванную, углядев там две мужские бритвы, развесив на огненно горячей трубе свои мокрые носки, вымыв руки и протерев лицо первым попавшимся полотенцем, появилась на кухне с сакраментальным вопросом:

— А ты один живешь?

— Нет, с другом, — Федя, чуть замешкавшись, кивнул на табуретку, приглашая гостью присесть. — Давай по водочке. От простуды в такую погоду самое то. Ну, и за знакомство как бы...

Девушка присела, подсунув под себя одну ногу, чтобы хоть немного погреть заледеневшую в мокром кроссовке ступню. Понюхала подозрительно содержимое стакана и тут же лихо, как будто делала это каждый день перед завтраком, обедом и ужином, проглотила неприятно пахнущую водку.

— Мы тут снимаем на двоих, — пояснил Федя, наблюдая, как гостя вцепилась аккуратными ослепительно белыми зубками в бутерброд. — Так совсем дешево выходит. Да и райончик здесь — не дай бог. Если бы не машина. Ну, да, отцова, но у нас с Климом, это дружок мой, и доверенность и права — все честь по чести. Мы с ним по разным сменам спецом разбежались. Сегодня он до полуночи в магазине, я бомблю. Завтра он бомбить будет, а я в подсобке мешки ворочать... С постоянными жильцами старенькой однушки на шестом этаже все было понятно, как божий день. После школы куда было податься в захудалом городке очень-очень дальнего Подмосковья? Вот и выбрались хоть немного подзаработать, чтобы не кланчить у безденежных родителей на пиво с друзьями и кино с подружками. Худо-бедно, прижились в столице. Положа руку на сердце, скорее и худо, и бедно, но дома-то еще хуже и беднее. О перспективах и планах на дальнейшую жизнь в двадцать лет как-то не очень думается. Есть деньги на квартиру, пельмени и пиво — значит, живем неплохо. По выходным раз-два в месяц можно сходить в дешевый клуб, попрыгать на танцполе, подраться с такими же, как они, задирами. Еще летом-осенью иной раз бывали на футболе, но тоже — только лишь поорать и попрыгать на трибунах, порой к концу матча забывая, кто и с кем играет.

Федя, выложившись в неожиданном для него длинном монологе, примолк, переводя дыхание. И тут чуток захмелевшая от плохой водки Люба подхватила эстафету вечерней исповеди.

В столицу она подалась из похожего депрессивного городка среднего Поволжья. так легко и активно, как первая. Выпили по полстаканчика, гостя удалилась укладываться в зашкафный закуток, прихватив с собой большую часть разбросанных по комнате вещей, а ребята принялись раскладывать и обустраивать свой диванчик, а потом и выставлять на горячую батарею мокрую обувь...

Переодевшись в коротенькую прозрачную ночнушку — ну, не любила она спать голышом — Люба, прикрывшись тощим одеялом услышала бубнящий шепот друзей: «И что сейчас-то, Федь?» «Не ссы, Клим, я договорился. Сперва я, потом ты. А уж завтра, как карта ляжет, может, и вместе. Главное, не рвать с места в карьер. Мы же не маньяки какие. Потрахаемся тихонько и спать!»

Федя пришел за шкаф через пару минут, не сняв даже застиранные семейные трусы, через которые дыбился упругий напряженный член в полной готовности.

— Ну, чего стоишь? — откидывая одеяло и задирая под горло ночнушку, позвала Люба. — Сымай труселя и давай...

Она, приподнявшись на локте, привычно раскатала на среднем по размеру, но толстеньком пенисе резинку. И даже минетить не пришлось, Федя сразу же, как подкошенный, навалился на девушку, бестолково тыкаясь стволом между быстренько раскинутых длинных ножек. Люба ловко помогла ручкой попасть в нужное место и на несколько секунд замерла, ощущая, как новый член вошел с размаху на полную глубину влагалища. В предвкушении нежданного в эту ночь соития смазка у нее выступила обильно, и Федя легко двигался сильными и быстрыми движениями. Попривыкнув к парню, гостя принялась активно и во время помахивать, шевеля тазом навстречу, иногда закидывая ножки на поясницу партнера, крепко обнимая и прижимая его к себе.

Немного огорчало Любаню то, что Федя не стал с ней целоваться, но потом она и в этой мелочи нашла для себя плюс. «От водяры, небось, такой перегарище стремный. Да и зубы они оба на ночь не чистили», — подумала девушка, просунув между телами руку и умело поигрывая мошонкой партнера. Кажется, это оказалось последней каплей. Федор зарычал, замычал сквозь сжатые зубы, прижался к девушке всем телом, беспорядочно дергаясь и сливая сперму в презерватив. Тут же, лишь чуть притихнув, скупно чмокнул Любу в щечку, вскочил и почти выбежал из закутка. Она услышала звонкий шлепок снятой и брошенной куда-то к столу наполненной резинки, и встревоженный шепот Клим: «Ну, что?» «Иди...» «Изголодались мужики, торопятся, — подумала Люба, встречая уже голого, в полной готовности Васю. — Сами в душ ни ногой, и мне даже подмыться не дали...» «Раскатывая презерватив по стволу, она заметила, что член приятеля был изрядно длиннее фединого. «Как бы не все двадцать», — подумала девушка. Крупные, длинные пенисы она не любила, предпочитая аккуратный и хорошо стоящий средний размерчик и по длине, и по толщине. Но тут уж выбора не было. Да и Клим оказался не в пример приятнее друга в постели. Он никуда не спешил, неторопливо впихивая член в подготовленное предыдущим партнером влагалище. И эта размеренность принесла свои плоды. Минут через пять верхнюю часть бедер, лобок и вагину скрутила приятнейшая легкая судорога. Вася даже остановился на мгновение: «Ты чего?» «Кончила я, — шепнула довольная Любка. — Теперь ты давай побыстрее, а то спать уже хочется...»

Да уж, с папиком она такого точно не испытывала. Пожалуй, последний раз так сладко и непринужденно кончалось с месяц назад в клубном туалете, где её зажал какой-то пацан. Она даже не поняла, был ли это кто-то из случайных знакомых, с кем вместе дергались на танцполе, или просто мальчик воспользовался моментом, загнул Любку раком и отодрал возбужденную, желающую девчонку так, что потом коленки тряслись минут десять.

Вася оказался не только послушным, но еще и изобретательным по сравнению с другом детства. «Перевернись», — попросил он тихонько. Но не стал ставить девушку на «четыре

кости», как она ожидала, а оставил лежать на животике, сам прилег, приник к её спинке, неожиданно легко нашел нужную дырочку и заерзал, легонько похлопывая лобком по крепким ягодицам. Через пару минут протяжно застонал, прижимаясь покрепче, резко выдохнул и приподнялся на вытянутых руках. «Я все, — и тут же озаботился самочувствием Любы: — А ты как? Ничего?» «По кайфу, — похвалила партнера девушка, — только спать хочу — не вмоготу уже...» «Я тогда пошел?» — аккуратно слезая с распростертого тела, сказал Клим. «Давай...» — сдвигая ножки, попрощалась Любка, даже не подумав одернуть закрученную вокруг шеи ночнушку.

Парень осторожно и заботливо накрыл её тощим одеялом. Как шлепнул по полу снятый презерватив, как Вася отодвигал к стенке успевшего задремать товарища, Люба уже не слышала.